

келла немало сведений, отсутствующих в других переводных хрониках и, как мы увидим, явно интересовавших их, но не сделали этого.

В Хронике мы находим некоторые (правда, весьма краткие и отрывочные) сведения об античной Греции: например, известие о Гармодии и Аристокитоне, убивших Гиппарха, некоторые подробности о походах Александра Македонского. Любопытен рассказ о войне Антония и Клеопатры с Октавианом Августом. Очень подробно излагается история восточного Средиземноморья во времена римского владычества. Приводятся сведения о деятельности апостолов, о христианских мучениках, о еретиках. Ряд дополнительных фактов мог узнать читатель о правлении римских императоров от Октавиана и до Диоклетиана.

В то же время мы знаем, что в хронографических паляях и Летописце Еллинском и Римском второй редакции именно этот круг сведений (об Иудее в период римского владычества, о христианских мучениках и т. д.) извлечен из какого-то пока не установленного источника и дополняет рассказ Хроники Амартола и Иоанна Малалы.¹⁴ Этим источником могла быть, но не стала Хроника Синкелла: текстуального совпадения между ее текстом и добавлениями в древнерусских хронографических компиляциях нет, а даты (от сотворения мира), приводимые регулярно у Синкелла и встречающиеся в хронографических паляях и Летописце Еллинском и Римском второй редакции, как правило, расходятся, причем величина, их разделяющая, не является постоянной.

Фрагмент из Хроники Феофана, следующий в *Соф* и *Сол* за Хроникой Синкелла, содержит описание царствования Константина Великого. Здесь, в частности, упоминается сын Константина Крисп. Это имя примечательно в связи с Посланием Ивана Грозного Курбскому. Комментируя фразу Грозного: «Вспомяни же и в царех великого Константина, како царствия ради, сына своего, рожденного от себя, убил», исследователи писали, что речь идет о Криспе, убитом Константином в 326 г., и что царь пользовался неизвестным нам источником, так как ни в хронографах, ни в Житии Константина «об этом не сообщается».¹⁵ Этим источником, однако, не могла быть Хроника Феофана: хотя Крисп там упомянут, но говорится о его естественной смерти («В то лето Крисп сын царев христиан сын умре»). В другом месте той же хроники текст мог бы ввести в заблуждение невнимательного читателя: «... в 17 лето, якоже глаголют, Константин Великий с Скрипом (вместо Криспом. — *О. Т.*), сыном своим, в Римъ крестися от Селивестра. Якоже глаголють римляне рекуще: „Погубив мучителя и тогда ся крести. . .“» (*Соф*, л. 216). Имя «мучителя» здесь не названо, но имеется в виду соправитель

¹⁴ См. описание состава этих памятников в кн.: Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 237—304.

¹⁵ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1981. С. 385. («Литературные памятники»).

Константина — Лициний. Однако допускать, что именно этот текст и послужил основой для исторической аналогии, приведенной Иваном Грозным, было бы слишком рискованной натяжкой, тем более что другие подробности из исторических экскурсов царя, источники которых пока не найдены, не обнаруживаются и в тексте Синкелла.

Итак, несмотря на то, что нам удалось найти еще два списка перевода Хроники, новые наблюдения лишь подтверждают мнение В. М. Истрина, что он был мало известен на Руси, по причине этому явилось, вероятно, не содержание Хроники, как думал исследователь, а лишь то, что ее списки не попали в поле зрения составителей хронографических сводов XV—XVI вв.

С. А. Фомичев

К ИСТОРИИ ТЕКСТА ПОСЛЕДНЕЙ ГЛАВЫ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»

«Датировка редакций произведения и самого произведения, — подчеркивает академик Д. С. Лихачев, — производится одними и теми же способами. — Каждый раз необходимо только точно ограничивать каждый этап истории текста произведения и точно устанавливать, что именно мы датировем, так как датирующие указания могут относиться к разным этапам жизни памятника».¹

Это положение, проиллюстрированное в монографии Д. С. Лихачева примерами изучения отдельных памятников древнерусской литературы, имеет несомненно принципиальное значение для всей текстологической науки, в том числе для исследования истории текстов новой литературы. Особенно же в тех случаях, когда авторский замысел претерпевал в ходе работы существенные изменения, как это случилось, в частности, с романом в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

Напомним, что, завершив в Болдино работу над девятой (в окончательной редакции она станет восьмой) главой романа, Пушкин пометил для себя временную протяженность всего замысла:

«1823 год 9 мая Кишинев — 1830 25 сент<ября>. Болдино <...> 7 лет< > 4 месяца< > 17 д<ней>».²

Однако фактически работа над романом продолжалась восемь с половиной лет: в автографе «Письма Онегина», которое позже

¹ Лихачев Д. С. Текстология: На материале русской литературы X—XVII веков. 2-е изд., перераб. и доп. Л., 1983. С. 290 (курсив наш. — С. Ф.).

² Пушкин. Полн. собр. соч. / АН СССР. 1937. Т. VI. С. 532. В дальнейшем ссылки на это издание помещены в тексте с указанием тома и страницы. Ссылки на автографы Пушкина также помещены в тексте и даются сокращенно: ПД (т. е. Рукописный отдел Пушкинского Дома, ф. 244, оп. 1), 129 (№ единицы хранения).

будет включено в последнюю главу романа, имеется помета: «5 окт<ября> 1831. С<арское> С<ело>» (ПД, 165).

Таким образом, в творческой истории последней онегинской главы (а вместе с ней и всего романа) обычно различают две редакции: болдинскую (1830) и царскосельскую (1831). Однако анализ основного рукописного источника этой главы убеждает в том, что ее творческая история была значительно сложнее.

Рукопись главы (беловая, с поправками) состоит из трех частей.

А. Тетрадь из двадцати листов (ПД, 937),³ где записана сорок одна строфа (нумерация римская), кончая строками (в раннем черновом варианте): «Подите. . . полно — Я молчу — Я вас и видеть не хочу» (VI, 635).

Б. Два листка (ПД, 937 и ПД, 1690), на которых записаны по отдельности строфы 42 и 43 (нумерация арабская): «А мне, Онегин, пышность эта ~ И буду век ему верна» (VI, 635).

В. Двойной лист (ПД, 167), на котором подряд (без нумерации) записаны последние строфы романа, содержащие лирическое прощание автора со своими героями и читателями. Слева, под последней строкой, рядом с росчерком (знак концовки) помечено:

Болдино 1830
сент<ября> 25 3 — 1/4 <часа>

Ниже — под росчерком, справа — имеется и другая помета, которая оставалась не расшифрованной до конца и на которую ранее в суждениях о ходе работы поэта над романом не обращалось внимания:

Письмо от N<atali> Кист<еневские> Кр<естьяне>
пор., pt. ка.⁴

Как выясняется, автограф В появился отнюдь не в Болдино, когда последняя глава представлялась Пушкину девятой, а лишь в 1831 г., когда она стала восьмой. Позже, при ее публикации, Пушкин в предисловии частично процитирует еще одну (отсутствующую в автографе В) строфу лирического финала — она должна была следовать за первой из записанных на двойном листе строф:

. . . Поздравим
Друг друга с берегом. Ура!
Давно б (не правда ли?) пора!

Пора: перо покоя просит;
Я девять песен написал;
На берег радостный выносит
Мою ладью девятый вал —
Хвала вам, девяти Каменам. . .

(VI, 189, 197)

³ Из этой тетради Пушкиным были вырезаны два листка (строфы I—IV), которые ныне имеют иной архивный номер — ПД, 158.

⁴ Так эта помета воспроизведена в кн.: Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935. С. 330.

Отсюда и следует, что приведенные выше пометы в автографе В означали не время его написания, а были перенесены в него из черновой рукописи главы, до нас не дошедшей. При этом оказывается, что две группы помет вовсе не синхронны: 25 сентября 1830 г. Пушкин не получал «письма от Натали».

В Болдино от невесты пришло три письма, как это выясняется из ответных писем поэта (см.: XIV, 111, 119, 126). Помета «Письмо от Nat.» имеется под датой «9 сентября» в черновом автографе «Гробовщика» (ПД, 997). Не вызывает сомнения, что второе письмо — от 26 октября (см.: XIV, 119) — было упомянуто в автографе (до нас не дошедшем) драматической сцены «Моцарт и Сальери», оконченной именно в этот день, как это следует из первой ее публикации в альманахе «Северные цветы на 1832 год». В беловом же автографе В последней главы романа сохранена память о третьем письме от невесты — от 26 ноября 1830 г. Следовательно, глава, законченная (в первой болдинской редакции) 25 сентября, дорабатывалась в Болдино два месяца спустя.

Подтверждением того, что здесь имелось в виду письмо от 26 ноября, служит последняя строка помет. Раздельное написание букв в автографе («пор» и проч.) означает, что мы имеем дело с аббревиатурой (что очень характерно для пушкинских помет). Расшифровать же ее помогает автограф ПД, 146 (беловая рукопись с поправками) стихотворения «Для берегов отчизны дальней. . .», датированный 27 ноября 1830 г. Как известно, стихотворение это посвящено Амалии Ризнич.⁵ Нам представляется поэтому, что последнюю строку в автографе В можно прочитать так: п<исьмо> о Р<изнич>, Р<изнич>? К А<малии>.

Следует предположить, что одновременно с письмом от невесты Пушкин получил и письмо с изложением обстоятельств смерти (в мае 1826 г.) своей кишиневской возлюбленной, что и вызвало стихотворение «Для берегов отчизны дальней. . .» («К Амалии»). Понятно, почему, перенося эту запись в беловик, Пушкин шифрует ее: ведь беловик пишется в Царском Селе, на даче Китаевой, где

⁵ Этот факт в пушкиноведении ставился под сомнение (см.: Щеголев в П. Е. Амалия Ризнич в поэзии Пушкина // Щеголев в П. Е. Пушкин: Очерки. СПб., 1912. С. 196—225) только потому, что в нижнем слове автографа первые строки имели следующую редакцию: «Для берегов чужбины дальней / Ты покидала край родной. . .» (II, 867). Однако и в данном варианте речь идет, на наш взгляд, о той же самой Ризнич, но только имеется в виду не отъезд ее из Одессы «в край родной» в 1823 г., а воспоминание о приезде ее в Одессу («в край чужой»). Во всяком случае, безусловна перекличка данного болдинского стихотворения с другим — «Под небом голубым страны своей родной. . .» (1826), посвященным памяти А. Ризнич.

⁶ Аналогичные аббревиатуры мы находим в рукописях Пушкина: u<ne> l<ettre> d<e> E. W. (ПД, 835, л. 11 об.), u<ne> b<illet> d<e> M. R. (см.: Рукою Пушкина. С. 301, 299); П<исьмо> О<т> У<оронцовой> (ПД, 835, л. 12 (см.: Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1983. Т. 11. С. 40)). В последнем случае, как и в автографе В, в аббревиатуре отсутствует дифференциация букв на прописные и строчные.

⁷ Ср. пушкинскую помету «Няня!» (ПД, 837, л. 16 об.); см.: Рукою Пушкина. С. 315—316.

Пушкин поселился с молодой женой (она могла заглянуть в рукопись).

Теперь мы можем представить, как протекала работа Пушкина над последней главой романа в стихах.

Первые ее строки были набросаны 24 декабря 1829 г. в Петербурге в так называемой Арзрумской тетради (ПД, 841, л. 25 об.). 25 сентября 1830 г. в Болдино первая редакция этой главы была закончена, и Пушкин решил переписать ее в отдельную тетрадь (*автограф А*) малого формата (18×11): количество листов, сшитых поэтом в тетрадь (22), точно соответствовало объему главы (42 строфы: по одной на каждой странице) — первая (титульная) страница тетради тогда осталась незаполненной, так как Пушкин уже в то время сомневался, какой порядковый номер выставлять в заглавии (8 или 9); на обороте этой страницы записан эпитафия. В тетрадке (*автограф А*) Пушкин дошел до предпоследней строфы данной главы (в ее первоначальной редакции), завершив монолог Татьяны (слова «Я молчу», на наш взгляд, достаточно твердо указывают на его финал). Последняя же строфа главы в то время должна была быть, по-видимому, кратким (предварительным!) прощанием с читателем — ср. концовку третьей главы:

Но следствия нежданной встречи
Сегодня, милые друзья,
Пересказать не в силах я;
Мне должно после долгой речи
И погулять и отдохнуть:
Докончу после как-нибудь

(VI, 73)

Но подобная строфа так и не была записана в *автографе А* (последняя страница тетрадки, для нее предназначенная, осталась незаполненной). Почему?

Думается, потому, что в процессе перебеливания главы Пушкин пришел к важному конструктивному решению, которое предполагало коренное изменение финала данной главы.

В 1828 г., когда из печати вышла шестая глава романа, она завершалась пометой «Конец первой части». Справедливо полагают,⁸ что в то время и вторая часть романа в стихах представлялась Пушкину, по закону симметрии, равновеликой (также в составе шести глав). В сентябре 1830 г., приступая к перебеливанию девятой главы, Пушкин тоже не считал ее окончательной, но едва ли предполагал далее написать больше одной главы. Эпитафия в *автографе А*:

Fare thee well and if for ever
Still for ever fare thee well, —

указывал на окончательную разлуку главных героев романа,⁹

⁸ См.: Дьяконов И. М. О восьмой, девятой и десятой главах «Евгения Онегина» // Рус. лит. 1963. № 3. С. 37—61.

⁹ В данном случае мы согласны с А. Иваненко, который в рецензии на комментарий Н. Л. Бродского к роману писал: «Смысл эпитафия, конечно, только один; слова о прощании навсегда даны „от автора“, но могут относиться

и последняя глава его (десятая) должна была, очевидно, исчерпывать судьбу Евгения — вдали от Татьяны. Теперь же и эта, десятая, глава кажется ему ненужной («по крайней мере для печати»). Решение кончить роман на девятой главе фиксируется 26 сентября 1830 г., когда обозначается общий план произведения и подсчитывается время работы над ним (ПД, 129).

В ближайшие дни Пушкин собирается в дорогу, но 30 сентября, не прорвавшись через холерный карантин, возвращается в Болдино. В октябре он занят работой над другими произведениями: 10 октября окончен «Домик в Коломне», 14-го — «Выстрел», 18-го — восьмая глава «Евгения Онегина» («Путешествие Онегина»), 20-го — «Метель», 23-го — «Скупой рыцарь», 26-го — «Моцарт и Сальери», 4 ноября — «Каменный гость», 6-го — «Пир во время чумы», 7—9 ноября поэт вновь пытается прорваться в Москву, но опять неудачно. Лишь после этого он вновь смог обратиться к тексту последней онегинской главы, которую во второй редакции закончил 26 ноября.

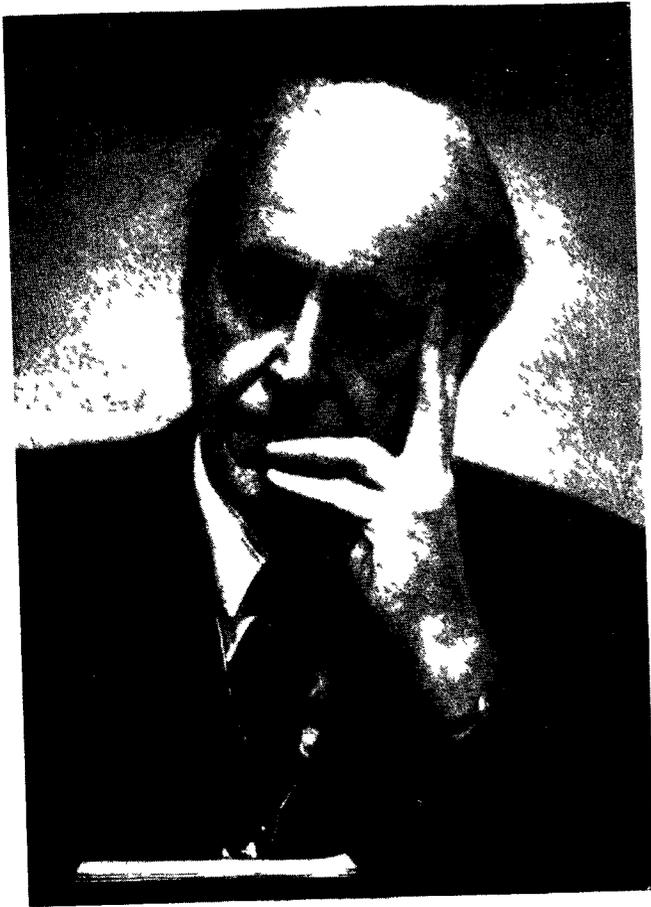
После того как было принято решение завершить этой главой весь роман, концовка монолога Татьяны представилась излишне резкой. Вынесенный ранее в целом несправедливый приговор герою предполагалось скорректировать в десятой главе. Теперь же эту коррекцию приходилось производить в самом монологе, который поэтом был дополнен двумя строфами (*автограф В*). Вероятно, тогда же на отдельных листках были написаны и строфы лирического финала романа. Но впоследствии (после переработки) они были перенесены на отдельный двойной лист (*автограф В*). Это произошло уже в Царском Селе, в 1831 г., когда стало очевидно, что последняя глава требует коренной переделки (поэтому строфы в *автографе В* не имеют цифровых обозначений).

28 ноября 1830 г. Пушкин пишет предисловие к восьмой и девятой главам, где, в частности, замечает: «Вот еще две главы „Евгения Онегина“ — последние по крайней мере для печати. . . Осьмую главу я хотел было вовсе уничтожить и заменить одной римской цифрой, но побоялся критики» (VI, 541).

Вполне очевидно, что, хотя мысль о пропуске «Путешествия Онегина» уже мелькала у Пушкина в Болдине, все равно последняя глава обозначалась как десятая, а стало быть, тогда еще не было причины выбрасывать из беловика (*автограф В*) строфу «Пора: перо покоя просит» — будь он изготовлен в Болдине.

Таким образом, анализ помет в белой рукописи последней главы «Евгения Онегина» позволяет сделать вывод, что в соответствии с менявшимся общим планом романа — в составе десяти, девяти и восьми глав — она «заканчивалась» трижды: 25 сентября 1830 г., 26 ноября 1830 г. и в октябре 1831 г.

только к прощанию героев друг с другом, а не к авторскому прощанию с ними» (Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. 6. М.: Л., 1940. С. 526). При переводе эпитафия («Прощай, и если навсегда, то навсегда прощай») нужно учитывать, что местоимение thee в английском языке используется как поэтизм, только при обращении к особенно дорогому существу.

Академик
ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ
ЛИХАЧЕВ
Фотография В. А. Генде-Роте

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ) АН СССР

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1987